

Как там Африка?

Двадцать первого сентября, в 7 часов 37 минут и 5 секунд (с половиной), на кухне своей квартиры завтракал Фёдор Иванович Кочерыгин. А, может быть, не Фёдор, и не Иванович вовсе. Возможно, это был Сергей Борисович, или Василий Анатольевич. Автору неизвестно, а Вам, дорогой читатель, и подавно. Но вы можете быть уверены в том, что фамилия завтракавшего, действительно, была Кочерыгин.

Кочерыгин работал бухгалтером в очень большом и важном банке, где работают все очень большие и важные бухгалтеры. И сам он был очень большим и важным.

В его шкафу аккуратно рядами лежало ровно 28 пар белых носков и десять пар – чёрных. А галстуков было вдвое больше. Серый в полоску - для простых совещаний, зелёный в горошек - для особо важных мероприятий и красный - для четвергов. Возможно, вам станет интересно, какой галстук он надевал на совещание, если оно случилось в четверг. Ни красный, ни серый, ни даже зелёный в горошек. Жёлтый в мелкий ромбик.

Подобно всем настоящим бухгалтерам, и дома, и на работе, во всех шкафах и столах, в тумбочках и на полочках, в пиджачках и в кармашечках, в сердце и в голове - везде и всегда царил безупречный порядок. И если где-нибудь возникало что-то нарушающее этот непоколебимый уклад, даже такая незначительная неприятность, как, например, скрепка, угодившая в коробку с булавками, или, ещё хуже, с кнопками, то пустое, бесчувственное лицо Кочерыгина сразу приобретало багровый оттенок, надувались ноздри, и на толстом лбу начинали проступать капельки пота. Нервно дрожащими пальцами Кочерыгин извлекал "нарушителя порядка" из "инородной среды" и возвращал в привычное место обитания. И только после этого он успокаивался, дыхание его выравнивалось, лицо возвращало свое прежнее каменное выражение покоя и некоторого угрюмства, вновь становясь похожим на могильную плиту. Впрочем, подобные эмоциональные скачки

происходили редко, потому что с упорным постоянством булавки лежали с булавками, а кнопки - с кнопками.

Порядок был, а вернее - обязан был быть и во времени. Ровно в семь утра под гроыхающий звон будильника грузное тело Кочерыгина поднималось с постели. Две ноги, спустившиеся с кровати, попадали тут же в тапки, стоявшие по обыкновению точно на своём месте. В семь пятнадцать в зеркало ванной глядело уже умытое и гладко выбритое лицо. Затем Кочерыгин одевался. Носки, свежая майка, рубашка, пиджак и брюки - только в таком порядке и никак иначе. И, определившись с галстуком и расчесав лысоватую голову, бухгалтер спускался к завтраку.

Семь с половиной минут - не больше не меньше - отводилось трапезе. Пташкой порхала на кухне маленькая, худенькая жена. Чайник кипел, на сковородке шипела яичница, из тостера вылетал поджаренный хлеб и тут же оказывался на тарелке. За столом сидел мальчик лет девяти и усердно намазывал на хлеб кусок сливочного масла. Все принимались за еду и молчали. Не было ни "доброго утра", ни разговоров, ни вопросов, ни ответов. Ничего "доброго" в этом утре не было, оно было обыкновенным. Разговоры и вопросы были лишними, ведь говорить и спрашивать не о чем, всё давно уже спрошено и сказано. Никто не просил передать соль или сахар, потому что всё стояло на своих местах так, что каждый мог до всего дотянуться самостоятельно. И сидели, как всегда, молча, и всех это устраивало. Так проходило каждое утро. Однообразно, как в книжке, которую перечитывают не в первый раз. И не жили Кочерыгины вовсе, а лишь проживали один бесконечно тянувшийся день, крутась белками в колесе. И могло бы так оставаться и дальше, если бы не последующие события.

После завтрака Кочерыгин надел изумительно отлакированные туфли, под мышку взял портфель и вышел из дома. Словно под гипнозом, ноги сами несли своего хозяина на работу по дороге, по которой уже лет двадцать они несутся сами собой. Глядя на Кочерыгина со стороны, можно было подумать, что он просто мечтает и поэтому не обращает внимания на происходящее

вокруг. Однако это предположение ложно. Кочерыгин не мечтал, и уже очень давно. Быть может, когда он был маленьким мальчиком, заигравшись со своим красным деревянным самолетом, он и грезил, что однажды станет взрослым и полетит куда-нибудь далеко-далеко в Африку. Но вот мальчик вырос, ему уже идёт пятый десяток, а он так и не был нигде дальше своей работы. Да и какой же это мальчик? На его дубовом лице нельзя представить и улыбку, не говоря уже о весёлом юношеском смехе, блеске наивных глаз, свежем, задорном румянце. Всё это спрятано под многолетней толстой корой одеревеневшего Кочерыгина, если не иссохло, не исчезло бесследно вовсе...

Улица, перекрёсток, светофор... Вдруг что-то прошмыгнуло совсем рядом с Кочерыгиным в кустах сирени. Из листвы молнией вылетел белобрысый мальчуган и скрылся за углом. От неожиданности Кочерыгин остановился. Что-то неведомое тянуло его назад. Внезапно возникла идея, которой бухгалтер не мог противиться - он должен догнать мальчишку. И, забыв про работу, Кочерыгин бросился вдогонку.

А мальчуган весело скакал, прятался за деревьями, гаражами, машинами, иногда, оглядываясь на Кочерыгина, заливался весёлым смехом.

- Кочерыжка! Кочерыжка! - раздавался ребяческий звонкий голосок и растворялся в толпе.

- Какой же я тебе Кочерыжка? - негодуя кричал Кочерыгин ему вслед. – Уж погоди, я тебя догоню!

Ветер щекотал пёструю листву, а деревья в ответ, смеясь, шелестели ветками. Солнечные зайчики перепрыгивали с лужи на лужу. Еще вчера весь день лил дождь, от того так приятно пахло сырым асфальтом и влажной листвой. А нынче нет и намёка на облачко. Только яркое солнце красовалось на лазурном шатре небосвода. И так тепло, хорошо!

А Кочерыгин всё никак не мог догнать шалуна, как собака не может поймать собственный хвост. Казалось бы, вот уже почти удалось зацепиться за детскую ручонку, но мальчик тут же испарялся, и опять где-то вдали слышался его беззаботный смех.

Но Кочерыгин не сдавался, он чувствовал, что от того, сможет ли он догнать мальчишку, зависело что-то очень важное, его жизнь, возможное счастье. Брюки уже забрызганы грязью, рукав пиджака разорван, а портфель так и вовсе был где-то брошен. Но сейчас эта неопрятность ничуть не волновала Кочерыгина, что-то новое, свежее появилось в нём. Глаза сверкали и, кажется, на лице стало на одну морщинку меньше. И откуда же в нём столько силы и энергии? Может быть, все эти годы он их специально не тратил, а бережно хранил вместе с кнопками и булавками, зная, что однажды они ему понадобятся.

Сам того не заметив, бухгалтер оказался в старом дворике на окраине городка. Ноги подкашивались, мышками бегали глаза, не веря тому, что видели. Волнительно. Пустынный, брошенный, одичалый, но такой уютный, такой родной! Три обшарпанных низеньких домишка, напоминавших спичечные коробки, прогнившие скамейки, скрипучая покореженная карусель и старик-дуб возле берега – вот и всё убранство. Заботливой рукой Кочерыгин прошелся по всему вокруг, по сухой щеке покатила серебристая слезинка. Мир остановился.

Кочерыгин спустился к пруду. Из прибрежного песка торчало красное крыло забытого самолетика. Кочерыгин поднял его, ласково отряхнул и ... взглянул на свое отражение в воде. Два светло-голубых глаза пристально смотрели на него. Перед ним был мальчик. Это был сам Кочерыгин.

- Ну, привет, Кочерыжка! Как там Африка? - живо проговорил мальчишка.
- Здравствуй, Петя, - тихо проронил Кочерыгин, и в тусклых глазах впервые за много лет зажегся огонек. Уголки губ поднялись, и на лице заиграла широкая, живая, самая настоящая улыбка...

Этим же вечером Пётр Кочерыгин собирал чемоданы.

Соловьёва Полина, 11 класс